Для цитирования: Богданова В.О. Практика феноменологической редукции в философском осмыслении сознания: компаративистский подход // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 128–133.

УДК 130.121

ПРАКТИКА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ СОЗНАНИЯ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД[1]

Богданова Вероника Олеговна,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук,
Челябинск, Россия.
E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация
В статье дан анализ некоторым духовным практикам самопознания, опирающимся на метод феноменологической редукции. В статье характеризуются особенности данных практик: методы «очищения» (расширения) сознания, освобождение от мыслительных, речевых и поведенческих стереотипов. Автор отмечает, что для осуществления практик феноменологической редукции требуется постоянное напряжение экзистенциального потенциала, а в методологическом плане для познавательной деятельности, направленной на исследование сознания, необходимо, наряду с эпистемологическими критериями, вырабатывать целый ряд аксиологических критериев этой деятельности.

Ключевые понятия:
сознание, феноменология, феноменологическая редукция, философская практика, компаративистский подход.

Как известно, родоначальник новоевропейской философии Р. Декарт положил в основу философского метода принцип очевидности, суть которого в проверке всякого знания с помощью «света разума», что предполагает отказ от суждений, принятых когда-то на веру. Знание о мире можно систематизировать лишь при условии, что оно будет опираться на очевидное и достоверное утверждение, которое мы получим, преодолев все сомнения. Таким утверждением Декарт считал суждение «я мыслю, следовательно, существую» (cogito ergo sum) [5, с. 268]. Вся «внешняя» материальная действительность может быть с легкостью подвергнута сомнению, кроме процесса мышления субъекта, который к тому же провозглашается Декартом «мыслящей субстанцией» (cogito), т.е., по сути, наделяется онтологическим статусом.

Идеи Декарта нашли свое продолжение в философии Э. Гуссерля, для которого картезианское положение «Я мыслю, следовательно, существую» является примером очевидной истины, поскольку единственное, что открыто для познания человека – это содержание его сознания. Разумеется, о себе и о своем существовании в мире мы можем узнать посредством мышления, но это знание о нашем существовании вовсе не отвечает на вопрос: что есть наше сознание? Сознание не является «прозрачным» для познавательного процесса, поэтому Э. Гуссерль, предлагая свой феноменологический метод, стремился достигнуть принципиальной беспредпосылочности (очевидности) в понимании таких концептов сознания, как «мир» и «я». По мысли философа субъект познания должен направлять свое внимание на акты сознания, что означает отказ от научного и обыденного «предзнания», сосредоточение только на том, что «само себя показывает». Феномены сознания должны описываться такими, какие они есть в реальности («для-себя»), а не такими, какими они существуют «для-нас», поэтому феноменологический метод предполагает решительный отказ от укоренившихся в социокультурной практике гипотез и концепций.

[1] Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Часто описывая самого себя, других людей, окружающую действительность, человек выбирает удобную систему классификаций, типизирует собственные переживания, создавая видимость порядка. В любом акте типизации его скрытой целью является достижение внутреннего комфорта с минимальными издержками. Этот психологический фактор обеспечивает экономию сил и энергии при решении тех или иных жизненных проблем [2, с. 38]. Сама по себе типизация служит примером «прокрустова ложа», куда многие стремятся втиснуть человеческое бытие, ограничить проявление индивидуальности в соответствии с некой стандартизированной меркой. И. Ялом в работе «Лжец на кушетке» отмечает, что «подгонка» личности к законченным образцам – это основа любой диагностики, но в психотерапии ее роль не так уж велика и даже негативна. Легко поставить диагноз при первой встрече, но убедиться в состоятельности поставленного диагноза намного сложнее [11, с. 24]. Во избежание заблуждений необходимо смотреть на человека «с чистого листа», отказавшись от привычных установок, классифицирующих душевное состояние. В этом отношении феноменологический метод стремится освободиться от всякой «идеологии». Человек – не материал для интерпретации на соответствие тем или иным готовым объяснительным моделям. Душевная жизнь каждого человека неповторима и уникальна, ее интерпретацию необходимо проводить, исходя из ее собственных структур [3].

Э. Гуссерль предложил процедуры феноменологического метода, позволяющие осуществить переход от наивного восприятия мира и себя в естественной установке к сосредоточению на самих переживаниях сознания: редукции и эпохе. Под феноменологической редукцией понимается «вынесение за скобки» всех сведений и положений о мире и самом себе, в которых можно усомниться. Феноменологическая редукция подразделяется на эйдетическую и трансцендентальную. Эйдетическая редукция заключает в скобки реальный мир и знание о нем. В результате эйдетической редукции осуществляется переход от «естественной» установки познающего субъекта к трансцендентальному субъекту [10, с. 85].

Познающий субъект может рассматривать сознание в качестве объекта для анализа. Однако по мысли Гуссерля, само понимание сознания тоже нуждается в очищении, так как оно нагружено естественнонаучным, культурно-историческим и философским истолкованием. Очищение сознания осуществляется с помощью трансцендентальной редукции. Трансцендентальная редукция «заключает в скобки» мысли о сознании, о духовных процессах как феноменах человеческой культуры [4, с. 85]. Именно благодаря трансцендентальному эпохе (воздержанию от суждений) осуществляется движение к чистому потоку переживаний сознания, который является истинным объектом исследования и составляет ядро «я», которое невозможно выразить понятийно, но оно с очевидностью переживается интуитивно. Элементами потока являются феномены, которые нужно уметь обнаруживать и анализировать.

Таким образом, Э. Гуссерль приходит к пониманию чистого сознания, трансцендентального «я» как бесконечного и необратимого потока переживаний. Подобное понимание можно без труда обнаружить в традиции восточной философии, например, в философии буддизма. В буддизме элементарные состояния сознания, феномены именуются дхармами. Сознание рассматривается как поток осознающих дхарм. Метафора потока отражает процесс непрерывного становления. С точки зрения буддизма то, что человек называет своим «я», – это область субъективных фантазий, но на самом деле его подлинную природу можно описать, только как систему безличных феноменов бытия. Феноменологический метод, реализованный в практике буддизма, действует радикально, он предполагает радикальную перестройку индивидуального сознания, отказ от эгоцентризма, устранение субъективно-оценочной деятельности по отношению к внешнему миру и к самому себе [9].

В социальном аспекте стремление к оцениванию себя и окружающих рождается из неуверенности, желания соответствовать требованиям социального окружения (культуры), что приводит к конформизму, уводящему человека от понимания сути вещей. Нередко оценка затрудняет путь к самопознанию, не позволяет видеть вещи в

их истинном свете, поэтому буддисты рассматривают стремление давать оценку как аффект, привязывающий человека к ложным представлениям, которые заставляют его страдать. От эгоцентризма нельзя окончательно избавиться, не преодолев субъектно-объектную оппозицию, свойственную познавательной установке. Познание мира с позиции эгоцентризма строится на его дихотомической модели, что невольно искажает представление о реальности. Единство субъекта и объекта переживается мистически. Человек познает объект, всецело погружаясь в него. Этот процесс сопровождается «угасанием "я"».

Какие же практики предлагает философия для «очищения» сознания от эгоцентризма и оценивания? Следует отметить, что даже самые архаичные практики восточной философии вполне сопоставимы с методом феноменологической редукции, так как они также служат «расширению» сознания и освобождению от стереотипов индивидуального и социокультурного опыта. Следует начинать с «отказа от суждений» (эпохе) о себе и о мире, которые базируются исключительно на данных стереотипах. Такая практика приостановки суждений является одним из главных принципов школ веданты и буддизма. Человек занимает в отношении своих суждений отстраненную, рефлексивную позицию, это позволяет избавиться от многих речевых и ценностных стереотипов. Патанджали отмечает, что многие мысли, связанные с оценочной деятельностью, мотивациями и желаниями, делают психику человека беспокойной. Индивид из-за них постоянно пребывает в аффективных состояниях (клеша). В психике, порождающей устойчивые желания, закрепляются определенные модели поведения, которые воспроизводятся автоматически. В йоге данные автоматизмы преодолеваются с помощью волевого акта, останавливающего цепь мышления. Однако любая попытка разрушить сложившийся автоматизм воспринимается «непосвященным» как угроза и вводит его в аффективное «оборонительное» состояние (неприязнь, ревность, зависть, ненависть, гнев, страх), которое и является основной причиной его страданий и заблуждений. Сознание «очищается» (расширяется) только тогда, когда человек встает на путь аскезы, приобретает умение управлять аффектами [8, с. 47–54].

В борьбе с автоматизмами чувственного опыта Патанджали предлагает два типа практики. Первый тип заключается в размышлении об истинном сознании, причастном бытию, а второй тип – это удержание мыслей (эпохе). Конечная цель человеческого бытия мыслится как постепенное угасание потока мыслей и желаний, обретение внутренней пустоты. Человек должен внимательно следить за своими мыслями, чувствами и желаниями, осознавать причины их возникновения, для того чтобы, не цепляясь за них, прийти к осознанию, что все есть пустота (т.е. освободиться от эгоцентризма) [7, с. 21].

Интересную практику феноменологической редукции предлагает индийский философ Шри Рамана Махарши. Его метод направлен на тщательное изучение внутреннего переживания «Я-концепта». Обычно, отвечая на вопрос «кто я?», человек строит привычные рационализации, с опорой на объективации, но такие построения – это свидетельство эгоцентризма. Задача же в том, чтобы «просто быть», а не быть тем или этим. Данный фундаментальный принцип тождества бытия и сознания означает полный отказ от установки эгоцентризма и всего, что с этой установкой связано (имя, социальный статус, индивидуальные привязанности и т.д.). Философ описывает следующую технику самопознания: когда в уме человека возникает мысль, необходимо не следовать за ней, а спросить: «Для кого возникла эта мысль?». Если последует ответ «для меня», то нужно спросить: «А кто этот я?». Данную редукцию можно продолжать дальше, постепенно расширяя границы своего привычного восприятия и мышления, уводя его вглубь сознания. В итоге феномены сознания обретут свою «чистоту», бытийную основу; откроется новый опыт восприятия и мышления в зависимости от направления и глубины феноменологической редукции. В терминологии Шри Рамана Махарши данный процесс характеризуется так: «бдительность, непреклонные усилия, направленные на отвержение каждой появившейся мысли, что глубже и глубже погружает человека внутрь себя. В конце концов это приводит к открытию внутри себя чего-то, находящегося за границами рассудка» [7, с. 21–22].

Достижение тождества бытия и мышления, именуемое «сат-чит-ананда» (т.е. бытие-сознание-блаженство), есть глубокое переживание и осознание онтологического единства познавательных и ценностных аспектов бытия.

Похожую тенденцию и похожие практики можно обнаружить и в даосизме. Согласно даосизму человек приходит к истинному проявлению своей самости, определяемой Дао, через освобождение от ложного «я». Ложное «я», обуреваемое эгоистическими стремлениями и желаниями, мешающими увидеть совершенный миропорядок, не позволяет жить в гармонии с космическим целым. Лао-Цзы предлагает способ избавление от ложного «я», для этого необходимо «затворить двери от мирской суеты». Это означает освобождение от повседневной рутины, привязанностей, привычек, земных желаний, которые наносят вред телу и духу человека, лишают его свободы в обмен на успокаивающую иллюзию порядка [6, с. 290]. Отказавшись от эгоистических потребностей и желаний, человек достигает полноты своих свойств, раскрывается его духовная красота. Все в жизни индивида осуществляется с легкостью, без сопротивления и внутреннего надлома. Дух человека обретает покой и счастье [6, с. 361].

Однако данные тенденции не являются исключительной прерогативой восточной философии. Философские практики античности целиком и полностью проникнуты ими. Например, в философии Плотина путь самопознания образно сопоставим с трудом скульптора. Скульптор стремиться придать каменной глыбе красивую форму, отражающую подлинную красоту, также и душа человека стремится придать себе самой духовную (подлинную) форму. Самопознание переживается в аксиологически окрашенном опыте причастности к «божественной красоте», затмевающей все мнимые, иллюзорные качества и свойства наших привычных восприятий. Если человек, обратив свой взор внутрь себя, увидит в себе проблески этой красоты, ему следует далее поступать так, как поступает скульптор, придающий красоту статуе, – убирать все лишнее. Что же Плотин подразумевает под «ненужным» и «лишним»? «Очищение» (расширение) сознания предполагает освобождение «души» от власти «тела». Для этого следует отказаться от привычки думать о себе как о сущем, с теми или иными индивидуальными особенностями, которые во многом случайны и никак не характеризуют подлинное сознание, «так как подобные мысли мешают воспарить до того, что выше нас самих» [1, с. 15].

В основу опыта самопознания Плотином положен принцип: «всякая душа является и становится тем, что она созерцает» [1, с. 16]. Человек сам выбирает, на что обращать внимание и чему придавать значение: внешнему, материальному или скрытому, сокровенному, духовному. Плотин отдает предпочтение последнему и предлагает духовное упражнение, с помощью которого душа «лепит» сама себя. Суть упражнения в том, чтобы стать недосягаемым для внешнего мира. Для этого нужно добиться внутреннего сосредоточения, только в этом состоянии человеку может открыться его «божественная природа». Однако полностью освободиться от внешнего невозможно, поэтому Плотин предлагает воспринимать «я» как некую промежуточную область между двумя «теневыми зонами»: «жизнью в Боге» и «жизнью в теле». Человек обретает свою подлинность, когда «жизнь в Боге» полностью поглощает все поле сознания, и, таким образом, наше «я» сливается с бытием.

Как можно практиковать данное состояние? Плотин предлагает уподобить сознание зеркалу. Используя этот образ, можно практиковаться в способах «настройки» отражения: зеркало можно очистить, поворачивать в нужном направлении. Что кроется за этими метафорами? Если сознание – это внутреннее зеркало человека, то замутнения на нем – это в терминологии Плотина «тягостные воспоминания прошлого, забота о земных делах, забота о телесном». Это то, что отвлекает, «размывает фокус» восприятия. Пытаясь настроить фокус, человек поначалу не очищает «зеркало-сознание», а просто вертит им в разные стороны, т.е. «находится во власти пустой суеты и напрасных тревог» [1, с. 24-26]. Находясь на этой стадии, человек может добиться осознания своей подлинной жизни лишь на короткие моменты. Хотя подлинное сознание всегда контактирует с «божественным источником», уровень напряже-

ния и концентрации этого контакта намного выше возможностей индивидуального сознания. Даже если оно поднимается до этого уровня, оно не может на нем удержаться. Кроме того, достигая этого уровня, человек не столько осознает присутствие в «божественном мире», сколько просто теряет на время контакт со своим привычным «земным миром». Плотин поясняет это так: «земной мир» индивидуального «я» живет во времени, поэтому восприятие реальности всегда приходит с некоторым опозданием, ибо для восприятия необходим «промежуток» между взглядом и его осознанием. Получается, что наше индивидуальное «я» имеет дело не с реальностью, а только с воспоминанием о ней. Когда же воспоминание облекается в слова, возникают дополнительные искажения. Напротив, бытие-присутствие в «божественном мире» происходит в условиях «реальности, вечности и безупречной простоты» [1, с. 27].

Единение с «божественным миром», обретение подлинного бытия переживается как экстаз. Плотин, описывая свой опыт духовного преображения, отмечает, что после пребывания в подлинном бытии необходимо «опускается» с уровня интуиции до уровня рефлексии. Данная рефлексия всякий раз сопровождается вопросом: «Как я мог опуститься так низко, как я мог, пережив единство с Духом, вновь прийти к раздвоению осознанного "я"» [1, с. 28]. Переход с одного уровня на другой всегда оборачивается потерей «я». Из кратковременного состояния целостности с бытием человека возвращает страх потери своей привычной эгоцентричной установки. Однако переживание целостности настолько сильно, что, оказываясь в привычном состоянии, человек испытывает чувство экзистенциальной вины по поводу потери подлинности. Таким образом, движение человеческого духа напоминает качание маятника. Данное колебательное движение есть следствие постоянного внутреннего напряжения, создаваемого нашим экзистенциальным потенциалом.

Может показаться, что восхождение к «божественной жизни» и пребывание в «земной жизни» находятся в отношении противоречия, но это не так. Именно их совокупность составляет ценностное содержание человеческой жизни. Духовный мир есть не только внутри человека, но и вовне. Следовательно, задачей данной медитативной практики является поиск «духовного за внешней стороной вещей, осознание красоты, гармонии Вселенной» [1, с. 32]. Плотин приходит к выводу, что бытие-присутствие в реальности стирает различия между внешним и внутренним аспектом восприятия. В реальности человек становится «чистой мыслью» или «чистым феноменом», сливается с ними, созерцает в состоянии полного и глубокого покоя.

Таким образом, даже беглый анализ практик самопознания позволяет обнаружить корни феноменологической редукции как в восточной, так и в западной философской традиции. Особенностями данной философской практики является работа с интенцией сознания, созерцание «чистых» идей или феноменов путем «расширения» сознания. Созерцательное отношение предполагает полное отрешение от всего, чем располагает привычное индивидуальное и социокультурное «я». Однако практикуя такого рода интроспекцию, нам необходимо также совершенствовать методологию познания, преодолевать ее ограниченность формами рассудочной деятельности. Хотя сознание мыслит, оно само не всегда может быть помыслено, поскольку для рассудка открывается только та или иная область сущего, но не бытие в целом. Прорыв к бытию, к реальности осуществляется интуитивно, а, как известно, интуитивный познавательный опыт нельзя свести к формальным методическим рекомендациям. Для поддержания интуитивной направленности требуется постоянное напряжение экзистенциального потенциала. Поэтому в методологическом плане для познавательной деятельности, направленной на исследование сознания, необходимо наряду с эпистемологическими критериями, вырабатывать целый ряд аксиологических критериев этой деятельности.

1. Адо П. Плотин, или простота взгляда. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 142 с.

2. Богданова В.О. Конструктивистское философствование: особенности и смыслы: монография. Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2015. 224 с.

3. Борисов С.В. Дазайнанализ как философская практика: философские основания и медитативные упражнения // Философская мысль. 2016. № 5. С. 35–46.

4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: «Наука», «Ювента», 1998. 315 с.

5. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.

6. Лао-Цзы. Книга об истине и силе. М.: Эксмо, 2015. 480 с.

7. Лебедев М.В. Феноменология как кросскультурный мост между Востоком и Западом // Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2008. № 1. С. 18–28.

8. Сатьянанда Свами Сарасвати. Йога-сутра Патанджали. Комментарии. Минск: изд-во «Ведантамала», 2006. 388 с.

9. Султанова Э.А. Природа сознания в классическом буддизме // Архив конференции «Механизмы сознания и существования». 2000. URL: http://tarmo.cyber-ek.ru/2000/elvira-dharma.html (дата обращения: 09.04.2017).

10. Трунов Д.Г. Введение в феноменологию самопознания: монография. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. 256 с.

11. Ялом И. Лжец на кушетке. М.: Эксмо, 2004. 480 с.

References

1. Ado P. (1991) Plotin, ili prostota vzgljada. Moscow, Greko-latinskij kabinet Ju. A. Shichalina, 142 p. [in Rus].

2. Bogdanova V.O. (2015) Konstruktivistskoe filosofstvovanie: osobennosti i smysly: monografija. Cheljabinsk, Cheljabinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 224 p. [in Rus].

3. Borisov S.V. (2016*) Filosofskaja mysl',* no. 5, pp. 35–46 [in Rus].

4. Gusserl' Je. (1998) Kartezianskie razmyshlenija. Sankt Peterburg, «Nauka», «Juventa», 315 p. [in Rus].

5. Dekart R. (1989) Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravljat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah. Sochinenija: v 2 t. Moscow, Mysl', T. 1 [in Rus].

6. Lao-Czy (2015). Kniga ob istine i sile. Moscow, Jeksmo, 480 p. [in Rus].

7. Lebedev M.V. (2008) *Hora. Zhurnal sovremennoj zarubezhnoj filosofii i filosofskoj komparativistiki,* no. 1, pp. 18–28 [in Rus].

8. (2006) Sat'jananda Svami Sarasvati Joga-sutra Patandzhali. Kommentarii. Minsk, Izd-vo «Vedantamala», 388 p. [in Rus].

9. Sultanova Je.A. (2000) Priroda soznanija v klassicheskom buddizme // Arhiv konferencii «Mehanizmy soznanija i sushhestvovanija», available at: http://tarmo.cyber-ek.ru/2000/elvira-dharma.html (accessed 09.04.2017) [in Rus].

10. Trunov D.G. (2008) Vvedenie v fenomenologiju samopoznanija: monografija. Perm', Permskij gosudarstvennyj universitet, 256 p. [in Rus].

11. Jalom I. (2004) Lzhec na kushetke. M, Jeksmo, 480 p. [in Rus].

For citing: Bogdanova V.O. Practice of phenomenological reduction in philosophic interpretation of consciousness: comparative approach// Socium i vlast. 2017. № 5 (67). P. 128–133.

UDC 130.121

PRACTICE OF PHENOMENOLOGICAL REDUCTION IN PHILOSOPHIC INTERPRETATION OF CONSCIOUSNESS: COMPARATIVE APPROACH

Bogdanova Veronika Olegovna,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy),
Chelyabinsk, Russia.

Annotation
In the article the analysis of some spiritual practices of self-knowledge, based on the method of phenomenological reduction is given. The paper characterizes the features of these practices: the methods of "purification" (expansion) of consciousness, freedom from mental, verbal and behavioral stereotypes. The author notes that for implementing the practices of phenomenological reduction a constant voltage of existential potential is required, and in methodological aspect for cognitive activities directed at studying consciousness, it is necessary along with epistemological criteria, to develop a number of axiological criteria of this activity.

Key concepts:
consciousness,
phenomenology,
phenomenological reduction,
philosophical practice,
comparative approach.